

II. ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ОБЩЕЙ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

DOI: 10.12737/2306-174X-2021-33-41

К ОБОСНОВАНИЮ ПАРАМЕТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО АНАЛИЗА СОЦИОТЕХНИЧЕСКИХ ЛАНДШАФТОВ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Е.Г. КАМЕНСКИЙ, В.И. АРШИНОВ, И.А. АСЕЕВА, В.Г. БУДАНОВ

*ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (ЮЗГУ),
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск, Курская область, Россия, 305040*

Аннотация. Данная статья посвящена теоретическому обоснованию методологии параметрического анализа культурных трансформаций в контексте становления социотехнического ландшафта цифровой реальности. Подчеркивается, что параметрическое, иерархическое видение той или иной социотехнической проблемы есть, по сути, более привычный для дисциплинарных семантик факторный анализ. Но такой анализ подразумевает методологическую установку, согласно которой параметры порядка, управляющие и управляемые параметры системы представляются в виде совокупности соподчиненных факторных отношений и связей по принципу «среда – контекст – субъектность». Необходимость поиска новых методологических инструментов продиктована не только тем небывалым уровнем технико-технологического прогресса, который мы наблюдаем сегодня, но и его проекцией в эмпирической реальности в самом широком спектре ее культурных и общественных локаций, когда наблюдается небывалая динамика перманентного цивилизационного сдвига России от традиционного (восточного, азиатского) типа к техногенному (европейскому) по В.С. Степину.

Статья подготовлена в рамках реализации финансируемого РНФ проекта №19-18-00504.

Ключевые слова: *параметрический анализ, параметры культуры, цифровые технологии, социология техники, социальные контексты техники, научно-технический прогресс, социальные институты, идеология.*

TO JUSTIFICATION OF PARAMETRICAL MODEL OF THE SOCIOCULTURAL ANALYSIS OF SOCIOTECHNICAL LANDSCAPES OF DIGITALIZATION

E.G. KAMENSKY, V.I. ARSHINOV, I.A. ASEEEVA, V.G. BUDANOV

*Southwest State University (SWSU), Str. 50 October, d. 94, Kursk, Kursk region, Russia,
305040*

Abstract. This article is devoted to theoretical justification of methodology of the parametrical analysis of cultural transformations in a context of formation of a sociotechnical landscape of digital reality. It is emphasized that parametrical, hierarchical vision of this or that social and technical problem is, in fact, factorial analysis more habitual for disciplinary semantics. But such analysis means methodological installation according to which the parameters of an order operating and operated parameters of system are represented in the form of set of the coordinated factorial relations and communications by the principle "Wednesday – a context – subjectivity". Need of search of new methodological tools is dictated not only that unknown level of technical and technological progress which we observe today, but also his projection in empirical reality in the widest range of her cultural and public locations when unknown dynamics of permanent civilization shift of Russia from traditional (east, Asian) type to technogenic (European) according to V. S. Stepin is observed.

The research is financed by the Russian Science Foundation, project №19-18-00504 "Sociotechnical environment of digital reality: ontological matrices, ethical and axiological regulative structures, roadmaps, and information support for management decision-making".

Keywords: *parametrical analysis, culture parameters, digital technologies, equipment sociology, social contexts of equipment, scientific and technical progress, social institutes, ideology.*

Общие методологические установки.

Представляя заявляемый в заголовке статьи объект, мы считаем излишним в

очередной раз обращаться к проблеме актуализации «цифровой» проблематики, очевидность которой для современного

социетального мышления неоспорима. Однако востребованность темы цифровизации в научном и околонучном дискурсе все еще недостаточно коррелирует к формируемой теоретико-методологической базе ее описания и понимания. И причины этому также объективны, как и реальные процессы технологического «Хайпа». Контекстуальные для них состояния нестабильности, говоря формализованным языком, наполнены колоссальным числом так называемых *свободных параметров*, или «черных лебедей» по Н. Талебу [21]. Именно их наличие не только погружает нас в субъективные и социальные ощущения *хаоса* ориентирующего и регулирующего блоков культуры, но и порождает истинную синергию антропологического перехода в конвергентных, таксономически сложных социотехнических ландшафтах (СТЛ) нарождающейся цифровой реальности (рис. 1) [4].

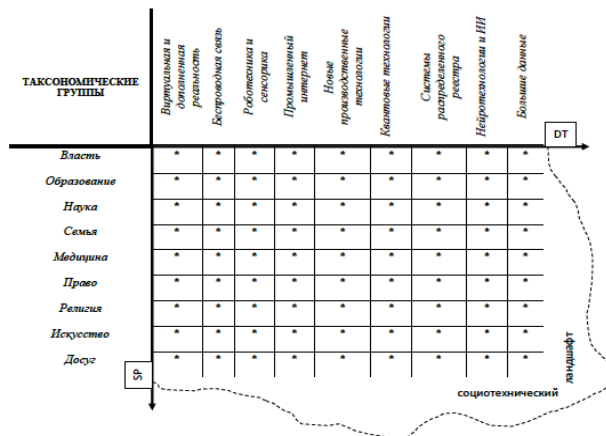

Рис. 1. Таксономическая матрица исследования социотехнического ландшафта цифровых технологий

Здесь, как мы акцентировали в базовой модели, «социальные практики и новейшие технологии выступают как таксономические группы, где признаком группировки выступает в SP (социальных практиках) институциональный критерий. В отношении DT (цифровых технологий) четкий критерий на данный момент определить затруднительно, потому что в качестве базовых будут представлены «сквозные» технологии, актуализированные как перспективные для

построения рынков цифровой экономики Четвертой промышленной революции в декларированной Стратегии прорыва России. В этот круг можно включать также ИТ-технологии отобранные по принципам самих социальных и антропологических практик, такие как, образовательные, досуговые, бытовые, интернет вещей, виртуальные-геймерские, сетевые коммуникативные, поисковые и т.д.» [4].

Такие когнитивные задачи являются поистине «Wicked problem» современности, особенно актуальными в поиске и становлении новых форм гуманизма [10]. Мы исходим из установки, что в условиях необходимости создания мета-языка дисциплинарных дискурсов гуманитаристики в описании сложных социотехнических феноменов «параметризм» может выступать «семиотическим швом» [26-28] онтологических моделей «абстрактного эмпиризма» (например, социологии) и методологических моделей «высокой теории» (в первую очередь, философии) по Ч. Миллсу [12]. В первую очередь, параметрическое, иерархическое видение той или иной социотехнической проблемы есть, по сути, более привычный для дисциплинарных семантик *факторный анализ*. Но такой анализ подразумевает методологическую установку, согласно которой *параметры порядка, управляющие и управляемые параметры системы представляются в виде совокупности соподчиненных факторных отношений и связей по принципу «среда – контекст – субъектность»*. Тогда в актуальных для нашего исследования аспектах:

- *управляющие параметры* отражают состояние социокультурной среды общества;
- *параметры порядка* характеризуют состояние какого-либо института;
- *управляемые параметры* представлены субъектным (личностным, групповым) сознанием и поведением институциональных агентов [24] и отражают результаты влияния управляющих параметров и параметров порядка. Именно для этого уровня в наибольшей степени применимы

инструменты «антропологических ключей» [5], разработанных нами ранее, а задача их экстраполяции на всю параметрическую систему социума и культуры представляется наиболее методологически масштабной и перспективной.

Отметим, что все три параметрических уровня находятся в рекурсивных связях, также обеспечивая отклик и «снизу вверх», что позволяет информации воспроизводиться в структуре системы и поддерживать собственный гомеостаз в механизмах отрицательных обратных связей «сверху вниз». Соответственно такой параметрии, репрезентирующая ее система факторов зарождения, трансляции и воспроизводства ценностей и нормативности в пространстве культуры также представлена простой иерархией:

- 1) *макро-средовые факторы (управляющие параметры);*
- 2) *институциональные факторы (параметры порядка);*
- 3) *субъектно-субъективные факторы (управляемые параметры).*

Следовательно, в нашей работе понятия параметров и отражающих их факторов могут использоваться как амбивалентные. Это обусловлено тем, что *факторные характеристики* в совокупности *определяют состояние параметрических уровней* системы воспроизводства и трансляции ценностей и норм. Последние же выступают для нас ключевыми категориями, репрезентирующими структурирующие культуру СТЛ паттерны и социокоды. Такие коды и образуют *регулятивную матрицу* культуры, типичной для каждого хронотопа общества от истоков до наших дней.

Методологически ценными для адаптации параметрического видения культуры в условиях экспансии СТЛ являются позиции культурологов из числа адептов постнеклассической парадигмы. Показательны, например, исследования О.Н. Астафьевой, отмечающей, что «... перенесение данного концепта в социально-гуманитарное знание и тем более включение параметров порядка в теоретико-концептуальные основания

культурной политики требуют введения дополнительных характеристик и уточнения» [1]. В центр внимания современного параметрического анализа она ставит культурицентристскую парадигму, акцентируя важнейший тезис: «... нерешенной с позиций синергетики остается проблема “встраивания” параметров порядка в крайне зыбкую, неустойчивую социальную реальность в периоды перехода общества от одного состояния к другому; можно ли объяснить, что является для параметров порядка определяющим – механизм самоорганизации или управленческое воздействие и чем обеспечивается “совместимость” долгоживущих (читай, “предельно устойчивых”) параметров социального порядка с новыми социальными нормами и отношениями, которые, как известно, чаще всего носят инновационный характер?» [1].

Ценности и нормы: от диспозиций к императивности.

Культурный хронотоп в целом, а также его периодизация позволяют нам понять эволюционную динамику социокультурного развития социетальной системы как живой материи, онтологически превосходящий границы физикалистского понимания. Здесь и в целом, и в частности, *традиция* есть управляющие параметры этой системы. Она обеспечивает необходимую степень *конформизма* как основы гомеостаза общества в актуальной для хронотопа *ценностно-нормативной матрице*. Именно сменой таких матриц характеризуются фазовые переходы культуры. При сохранении параметрической модели существенно изменяется ее наполнение. Например, от демократии к тоталитаризму, от традиционализма к либерализму, и аналогично. В этом случае и актуализируется необходимость изучения конкретных ценностей и норм, заключенных в параметрических уровнях регулятивной матрицы.

Кроме того, в ДТ-реальности социокультурная среда теряет эмерджентный, системно-целостный характер, что выражается в топологическом

диссонансе традиционной ценностно-нормативной культурной матрицы и общественных практик ее поддержания. Либо наоборот, новые культурные регулятивы цифровых пространств перестают соответствовать эмпирической реальности социальных интеракций. Подчеркнем, что такие эффекты возможны как на макро-уровне управляющих параметров, так и на локальных уровнях параметров порядка институциональных субкультур, а также не только меж-, но и внутриличностной регуляции (например, геймерство как зависимость).

С другой стороны, человеческое общество институционализовало мощный управленческий аппарат основной функцией которого является регуляция. Собственно *регулирование* представляется здесь *параметрически*. Оно есть *обеспечение соответствия структуры и функций системы определенному порядку, собственно – упорядочивание*. И именно социальные ценности и нормы в процессах социальной регуляции имеют для индивидуального или группового субъекта *ориентирующее значение*. В свою очередь, ценности методологически можно понимать как *символизируемые формы актуальных социальных практик*. Нормы же будут выступать *охранительным механизмом бытия символических ценностей* в социальной жизнедеятельности.

Такое символически-деятельностное понимание культурной нормативности правомерно, в частности, на основании этнометодологической теории Г. Гарфинкеля [6]. Здесь «символические смыслы» могут пониматься как результат рефлексивности кодов социокультурной традиции по принципу глубинной связи интерпретируемого и интерпретации. Она связывает поведение с бытийствующими в обществе ориентирами-представлениями о статусе и способах достижения символических ценностей.

Однако в качестве регулятора такая традиционность не соответствует реальной ценностно-смысловой структуре модернизируемого в идеологии инноватизации российского общества.

Несмотря на смену фасадов для обывателя, «Инноватизация» по сегодняшний день в форматах тех или иных политически конъюнктурных идеологем ««цифровизации», «устойчивого развития», «технологического прорыва» имеет статус своего рода светской религии модернизации социума. Замещая в символически-смысловом пространстве традиционность, она формирует параметрически-регулятивный контекст *императивных нормативных ценностей*.

Сама цифровизация сегодня выступает как идеологический императив, задавая нормативный контекст культуры в институциональных локусах ее репрезентаций. Ярчайшим примером является зонтичный концепт цифровой экономики. При этом формально сохраняются диспозиции традиционной нормативности в идеологемах старого гуманизма. «Развитие», «творчество», «личность», «свобода», «права человека» и им подобные гуманистические клише активно тиражируются, но, утрачивая традиционное же гуманитарное содержание, вырождаются в симулякры. Сама их диспозитивность, символизирующая либеральность постмодернистского выбора воплощения в индивидуальной биографии, в реальности скорее редуцируется к протокольной системе ДТ-коммуникаций. Стимулируется все более «растущий прагматизм участников социально значимых практик» [23].

Каковы же риски? Такая символическая схема социального обмена соответствует алгоритмизированным целям ролевых ожиданий в новой семиотической морфологии ценностно-нормативного пространства «цифры», примером чему могут служить процессы в Китае и Индии. Она «сшивает» для субъектов деятельности контексты официальной и реальной нормативности в рамках «цифрового» ценностно-нормативного пространства. Возникающие вокруг семиотико-семантических единиц такой модели «цифрового Фараона» ценности и нормы образуют новые топологические среды социальных регуляторов, где в целом

традиционные паттерны культуры гуманизма «заботы о каждом» выступают в роли семиотического шва тоталитарной идеологии для потребностно-мотивационной структуры личности. То есть, такие символические игры вполне могут быть направлены на легитимацию инструментами «цифры» любого социокода для оценочно-волевого компонента сознания.

Наиболее показательной описанная ситуация выглядит в оптике теории функциональных систем, когда социальные институты и их организации в динамике процессов «цифровизации», обеспечивают не только устойчивость и воспроизводство регулятивов культуры, но и адаптируют к ним матрицы социального и личного ценностно-нормативного пространства. Выступая в статусе семиотического шва, обеспечиваемого управленческими воздействиями административных практик политики модернизации, тотальная ДТ-культурная матрица не только позиционируется, но и воспринимается «полезный для самой системы и образуемой ею целостной организации приспособительный результат. При достижении результата деятельности его параметры запечатляются на структурах соответствующей функциональной системы...» [20]. Такая нормативность все более утрачивает социально-диспозитивное значение, обретая свойства *прескриптивности*. То есть ценностно-нормативной императивности. Эта императивность и формируется в массовом и индивидуальном сознании когерентно эмпирическим становлением таксонов СТЛ: идеологией цифровизации и социальными практиками. «ДТ» объективно и субъективно занимает параметрические ниши «управления» и «порядка».

В результате наблюдаются не фундаментальные структурные изменения культуры, а функциональные, когда ценность и норма меняют свой параметрический статус в рекурсивных связях механизмов смыслообразования. Для понимания приведем в качестве примера традиционные рекурсивные связи

«*работать чтобы жить; или жить чтобы работать*». Они выводят нас на ценностно-нормативные смысло-мотиваторы. По сути, такие паттерны отражают фундаментальные связи потребность-мотив и мотив-потребность. Эволюционно ценность детерминирует норму, как и потребность мотив. Но на примере «техно-моды» [17] как прескриптора можно видеть изменения линейных связей в таких рекурсивных моделях. В нашем случае идеология цифровизации как ценностно-нормативная система и формирует соответствующий аттрактор, в границы которого вольно или невольно направляется вся социокультурная система. В частности, говоря о техно-моде, наблюдается рекурсивность параметрического статуса ДТ-феноменов как инструментальных и терминальных ценностей. Технология из эмпирического метода (инструмента) трансформируется в смыслообразующую ценность - политический приоритет, вожделенный объект потребления и аналогично. Технологичность уже в статусе терминальной ценности символизируется, обретая семиотическую сложность, например в модели Ч. Пирса [13; 15]. Такая новая параметрическая гомеостатичность читается в морфологии социальной модели «цифровизации», когда традиционная матрица социокодов и паттернов, составляющих онтологическое ядро регулятивной системы культуры, тотально признается архаичной. Новая семиотика цифровой «продвинутой» императивно распространяется как *матрица нормы*. Наблюдается кардинальная трансформация социально востребованного *социокода* культуры, который будет определять вектор и результаты современного антропологического перехода, попытки прогнозирования которого сами по себе отражают крайнюю востребованность, но также и неопределенность будущих онтологий СТЛ.

Социокоды: от ценности к целерациональности

При этом особо отметим, что понятие социальных кодов культуры не имеет непротиворечивого определения ни в

междисциплинарных, ни в отраслевых научных парадигмах. Такая ситуация во многом объективна в условиях динамичного формирования мета-языка постнеклассики в противостоянии к оппонирующим ей позициям классической науки. Однако можно обратиться к советскому научному периоду и творчеству М.К. Петрова [14], посвятившего значительную часть своих исследований проблемам кодирования смыслов, знания и знака в сопряжении с феноменом языка. Например, в статье А.В. Филатовой [22] можно почерпнуть ценные методологические установки социогенетической теории М.К. Петрова.

В нашей работе мы рассматриваем социокоды как отдельный вид информации. Он шифрует стандарты и формы социокультурной регуляции, представляющие собой паттерны типичной для того или иного хронотопа ценностно-нормативной матрицы и общественных интеракций. Следовательно, социокод есть крипто-семиотический феномен, единица и объект трансляции культурных смыслов как общественных универсалий. Знаково-символьная сущность социального кода расшифровывается акторами, что обеспечивает воспроизводство социально-исторической памяти, а сам социокод демонстрирует свою социогенетическую онтологию [8].

Отметим, что социокоды культуры в процессе трансляции воспроизводят социальные программы общественных практик, отражающих институциональные алгоритмы реализации фундаментальных для них задач. Декодируясь в социализации, они организуют когнитивные карты интеллекта, эмоциональную реакционность и иные архетипы культуры, но существуют уже, возможно, «в трансформированном субъектом виде, пройдя через индивидуальные системы интерпретаций» [14]. Изменения базовой информации социокода также отражается и в формировании его обновленной в процессах трансляции формы. Тем не менее, гомеостатичное социальное воспроизводство предполагает сохранение

в объектах-кодах фундаментальных ценностно-нормативных универсалий культуры. В этом отражается преемственность и эволюционность социокультурной информации.

Значительное внимание М.К. Петров уделял проблеме «воспитателя» как субъекта трансляции и воспроизводства социкодов. В нашем случае «воспитатель» понимается, в первую очередь, уже не как семья, или учреждения высшего образования, а те же пресловутые социальные сети, уже эмпирически, институционально объективирующие их социальный статус и роль в современных процессах построения перспектив исторического развития общества. Сами же социокоды сущностно — это многообразные формы ценностно-смысловых паттернов культуры. Они - отражение базовых оснований ее структуры и коррелирующих к ней способов опредмечивания социокультурной памяти, то есть социальных практик в новых социотехнических ландшафтах.

С учетом существенных трансформаций статуса и социокультурной миссии традиционных институтов, например, семьи и образования, в сложившихся условиях, в первую очередь необходимо учитывать два наиболее существенных параметра трансляции:

1. Состояние транслятора и особенности его влияния на процесс трансляции.

2. Содержание транслируемой информации и смыслов, то есть социокода.

Следовательно, транслируемые в синергичном ценностно-нормативном пространстве социотехнических ландшафтов социокоды также должны иметь конвергентно-институциональный характер.

Однако теоретико-методологически трансляция социкодов как социальная и научная проблема по сей день является крайне неоднозначной и конъюнктурной темой. В частности, описываются [7] подходы, согласно которым, например, знание как особый вид закодированной информации не может транслироваться в принципе [11]. Так, оно само субъективно

приобретаемо на основании существующих и поступающих в сознание символов, событийно преобразуемых далее в знакомые системы, а затем снова символизируемых и являющихся в итоге знанием. В данном случае иллюстрируется фундаментальная проблема понимания механизмов трансляции характеристик и смыслов среды (социокодов) в субъектные структуры сознания и поведенческие корреляты (например, направленность личности).

В контексте данной проблемы необходимость понимания аксиологического и символического содержания трансляции культурных социокодов в технологической среде СТЛ актуализируется наиболее ярко. На основании исследований М.В. Бахтина мы можем идентифицировать два механизма сохранения и закрепления во времени культурно-цивилизационных смыслов. Первый опосредуется индивидуальным сознанием в системе ассоциаций образов биологической памяти, второй – общественным сознанием в виде системы вещественно-материальных артефактов культуры. С помощью системы кодов определенные формы жизнедеятельности транслируются в пространстве и времени [3].

Символические формы, таким образом, выступают ключевыми параметрами формирования перспективы социокультурного развития через их трансляцию в ценностно-нормативных контекстах пространства СТЛ. Сами эти формы представляют собой социокоды культуры, декодируемые сознанием в субъективные и групповые паттерны мировоззрения через их последующую символизацию в индивидуальном сознании.

В результате согласующиеся с аксиологическими основаниями русской цивилизации паттерны ценностно-нормативного пространства СТЛ (индивидуальности, целостности и культуросообразности [16]), позволяющие транслировать базовые социокультурные ценности, в аутентичном виде могут быть признаны архаичными. Точнее, культуросообразность социальных практик

должна будет основываться на ценностях «инновационной», а сегодня «цифровой» культурной парадигмы. Иначе такой тип воспроизводства, реализуемый в механизмах трансляции «устаревших» социокодов, может быть признан в лучшем случае «простым», «статичным» в рамках существующих концепций [2]. Однако, согласно политическим целям преодоления тенденции догоняющей модернизации и интеграции страны в глобальную парадигму цифровизации, такой тип воспроизводства может быть признан скорее деструктивным. В результате можно утверждать, что как минимум на институциональном уровне, согласно адаптированным нами к проблеме статьи типологиям [25], современная социокультурная система активно включена в имманентно-динамическое состояние перехода от *ценностно-рациональной* к *целерациональной* веберовской модели трансляции культурных социокодов. «В однотипно организованной среде начинают проследиваться явные жизненные стратегии субъекта, основанные на упрощении восприятия мира уже для целей управления собственной биографией. Общий смысл таких стратегий заключается в формировании навыков оперативного реагирования на мозаичность множества сложных контекстов» [9] СТЛ. Здесь, в методологической оптике параметрического анализа, наблюдается, по сути, небывалая динамика перманентного цивилизационного сдвига России от традиционного (восточного, азиатского) типа к техногенному (европейскому) по В.С. Степину [19].

Литература

1. Астафьева О.Н. Концептуальные основания культурной политики: от теории к практике // Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/konceptualnye-osnovaniya-kulturnoj-politiki/>
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: в 2-х т. Т. 1: От

- прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 806 с.
3. Бахтин М.В. Субъекты социальной памяти и трансляция историчности // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. №160. С.58-64.
 4. Буданов В.Г., Каменский Е.Г., Аршинов В.И., Асеева И.А. Социотехнический ландшафт в условиях цифровизации: к проблеме концепта и методологии исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия экономика, социология, право. 2019. Т.9. № 3(32). С. 213-225.
 5. Буданов В.Г., Каменский Е.Г., Асеева И.А., Аршинов В.И. Антропологические ключи социотехнических ландшафтов. Часть 2: социально-культурные и коммуникативные аспекты // Известия ЮЗГУ. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т.10. № 6. С.237-249.;
 6. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
 7. Грамыко Н.В. Как возможна трансляция знания? // Высшее образование в России. 2009. №1. С.14-24.
 8. Ильин М.В., Фомин И.В. Социальная семиотика: изучение дискурсов и практик социального взаимодействия // Дискурс-Пи. 2018. Т.15. №3-4. С.15-24.
 9. Каменский Е.Г. Образ социального субъекта в техногенной реальности сложного социума // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2016. №3. С.184-194.
 10. Кравченко С.А. К обоснованию гуманистической теории сложности общества // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №1 (28). С. 180-184.
 11. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. 224 с.
 12. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001.
 13. Нёг В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика. Вып.3-4. Новосибирск, 2001. С.5-32.
 14. Петров М.К. Язык, знак, культура. – М.: Едиториал УРСС, 2004. — 328 с.
 15. Пирс Ч.С. Из работы “Элементы логики. *Grammatika speculativa*” // Семиотика / Под ред Ю.С. Степанова. М., 1983.- С.151-210.;
 16. Рубанцова Т.А. Образование как способ трансляции ценностей в русской культуре // <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>
 17. Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Модели, прогнозы, риски: Коллективная монография / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. 243 с.
 18. Социотехнический ландшафт цифровой реальности: этико-аксиологические регулятивы, адаптационные механизмы, социотехнические модели управления процессами цифровизации. Коллективная монография / Отв. ред. И.А. Асеева, В.Г. Буданов. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2020. 302 с.
 19. Степин В.С. Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП, 2011. 407 с.
 20. Судаков К.В. Теория функциональных систем как основа модульного образования в высшей школе // Высшее образование для XXI века: докл. и материалы III Междунар. науч. конф. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2006.
 21. Талей Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М. КоЛибри, 2015.
 22. Филатова А.В. Значения и смыслы понятия «социокода» в современной социально-философской мысли // Гуманитарный проект Руниверс. URL: http://www.runivers.ru/philosophy/logosp_here/103772/
 23. Хагуров Т.А. Девиации, социальный контроль и риски взросления в современной России // Вестник Института социологии. 2013. № 7. С. 154–181.
 24. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. №1. С.6-16.

25. Яковенко И.Г. Свежий взгляд на историю // *Общественные науки и современность*. 1999. № 1. С. 106–114.
26. Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // *Cybernetics & Human Knowing*. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62.
27. Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // *Cybernetics & Human Knowing*. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62; Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // *Cybernetics & human knowing*. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.
28. Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // *Cybernetics & human knowing*. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.
- ekonomika, sociologiya, pravo. 2019. T.9. № 3(32). S. 213-225.
5. Budanov V.G., Kamenskij E.G., Aseeva I.A., Arshinov V.I. Antropologicheskie klyuchi sociotekhnicheskikh landshaftov. Chast' 2 social'no-kul'turnye i kommunikativnye aspekty [Anthropological keys of sociotechnical landscapes. Part 2: Socio-cultural and communicative aspects] // *Izvestiya YUZGU. Seriya Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*. 2020. T.10. № 6. S.237-249.;
6. Garfinkel' G. Issledovaniya po etnometodologii [Research on ethnomethodology]. SPb.: Piter, 2007. 335 s.
7. Gramyko N.V. Kak vozmozhna translyaciya znaniya? [How the translation of knowledge is possible?] // *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 2009. №1. S.14-24.
8. Il'in M.V., Fomin I.V. Social'naya semiotika: izuchenie diskursov i praktik social'nogo vzaimodejstviya [Social semiotics: the study of discourses and practices of social interaction] // *Diskurs-Pi*. 2018. T.15. №3-4. S.15-24.
9. Kamenskij E.G. Obraz social'nogo sub"ekta v tekhnogennoj real'nosti slozhnogo sociuma [The image of a social subject in the technogenic reality of a complex society] // *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment*. 2016. №3. S.184-194.
10. Kravchenko S.A. K obosnovaniyu gumanisticheskoy teorii slozhnosti obshchestva [To substantiate the humanistic theory of the complexity of society] // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2013. №1 (28). S. 180-184.
11. Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. Simvol i soznanie. Metafizicheskie rassuzhdeniya o soznanii, simbolike i yazyke [Symbol and consciousness. Metaphysical arguments about consciousness, symbolism and language]. - M.: SHkola «Yazyki russkoj kul'tury», 1999. 224 s.
12. Mills, CH. R. Sociologicheskoe voobrazhenie [The sociological

References

1. Astaf'eva O.N. Konceptual'nye osnovaniya kul'turnoj politiki: ot teorii k praktike [Conceptual foundations of cultural policy: from theory to practice] // *Sajt S.P. Kurdyumova*. URL: <http://spkurdyumov.ru/art/konceptualnye-osnovaniya-kulturnoj-politiki/>
2. Ahiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta: v 2-h t. T. 1: Ot proshlogo k budushchemu [Russia: criticism of historical experience: in 2 vols. Vol. 1: From the past to the future]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 1997. 806 s.
3. Bahtin M.V. Sub"ekty social'noj pamyati i translyaciya istorichnosti [Subjects of social memory and translation of historicity] // *Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena*. 2013. №160. S.58-64.
4. Budanov V. G., Kamenskij E. G., Arshinov V. I., Aseeva I. A. Sociotekhnicheskij landschaft v usloviyah cifrovizacii: k probleme koncepta i metodologii issledovaniya [Sociotechnical landscape in the conditions of digitalization: on the problem of the concept and methodology of research] // *Izvestiya YUGO-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

- imagination]. M.: Izdatel'skij Dom NOTA BENE, 2001.
13. Nyot V. CHarl'z Sanders Pirs [Charles Sanders Pierce] // Kritika i semiotika. Vyp.3-4. Novosibirsk, 2001. S.5-32.
 14. Petrov M.K. YAzyk, znak, kul'tura [Language, sign, culture]. – M.: Editorial URSS, 2004. — 328 s.
 15. Pirs CH.S. Iz raboty “Elementy logiki. Grammatika speculativa” [From the work " Elements of logic. Grammatika speculativa”] // Semiotika / Pod red YU.S. Stepanova. M., 1983.- S.151-210;.
 16. Rubancova T.A. Obrazovanie kak sposob translyacii cennostej v russkoj kul'ture [Education as a way of translating values in Russian culture] // <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=115146>
 17. Socio-antropologicheskie izmereniya konvergentnyh tekhnologij. Modeli, prognozy, riski : Kollektivnaya monografiya [Socio-anthropological dimensions of convergent technologies. Models, forecasts, risks: Collective monograph]/ Otv. red. I.A. Aseeva, V.G. Budanov. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2017. 243 s.
 18. Sociotekhnicheskij landshaft cifrovoj real'nosti: etiko-aksiologicheskie reguljativy, adaptacionnye mekhanizmy, sociotekhnicheskie modeli upravleniya processami cifrovizacii. Kollektivnaya monografiya [Sociotechnical landscape of digital reality: ethical and axiological regulations, adaptation mechanisms, sociotechnical models of digitalization process management. Collective monograph]/ Otv. red. I.A. Aseeva, V.G. Budanov. Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2020. 302 s.
 19. Stepin V.S. Civilizaciya i kul'tura [Civilization and culture]. SPb.: SPbGUP, 2011. 407 s.
 20. Sudakov K.V. Teoriya funkcional'nyh sistem kak osnova modul'nogo obrazovaniya v vysshej shkole [The theory of functional systems as the basis of modular education in higher education] // Vysshee obrazovanie dlya HKHI veka: dokl. i materialy III Mezhdunar. nauch. konf. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2006.
 21. Taleb N. CHernyj lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti [The black swan. Under the sign of unpredictability]. M. KoLibri, 2015.
 22. Filatova A.V. Znacheniya i smysly ponyatiya «sociokoda» v sovremennoj social'no-filosofskoj mysli [Meanings and meanings of the concept of "sociocode" in modern socio-philosophical thought] // Gumanitarnyj proekt Runivers. URL: <http://www.runivers.ru/philosophy/logosp/here/103772/>
 23. Hagurov T.A. Deviacii, social'nyj kontrol' i riski vzrosleniya v sovremennoj Rossii [Deviations, social control and risks of growing up in modern Russia] // Vestnik Instituta sociologii. 2013. № 7. S. 154–181.
 24. Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma [Social change as a trauma] // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. №1. S.6-16.
 25. Yakovenko I. G. Svezhij vzglyad na istoriyu [A fresh look at history] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 1. S. 106–114.
 26. Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // Cybernetics & Human Knowing. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62.
 27. Marks-Tarlow T. Semiotic Seams: Fractal Dynamics of Reentry // Cybernetics & Human Knowing. 2004. Vol 11. No1. pp. 49-62; Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.
 28. Marks-Tarlow, T., Robertson, R. & Combs, A. Varela and the Uroboros: The psychological significance of reentry // Cybernetics & human knowing. 2002. Vol. 9. No. 2. pp. 31-47.